

Тёплые лучи заходящего солнца падали на пушистый ковёр, сплетая мягкую сеть света. Картина была уютной и тихой.

На большой кровати в центре спальни белоснежное одеяло слегка приподнималось. Из-под него торчала макушка тёмных мягких волос. Спящий человек почти полностью зарылся в одеяло, как маленький страус. Движение началось, когда наступила ночь.

Тун Цинхэ проснулся из-за нехватки кислорода. Его скулы и щёки были покрыты румянцем. Он в полусознании слабо сжимал угол одеяла. Его рассеянные янтарные глаза медленно сфокусировались на одной точке на потолке. Внезапно вспомнив что-то, Тун Цинхэ повернул шею, потянулся к затылку, вздрогнул и натянул одеяло выше, чтобы закрыть лицо. Из-под него торчали только глаза, которые шарили по сторонам.

Всё его тело было пропитано феромонами альфы после метки. На запястье Тун Цинхэ остался след от укуса — он укусил себя сам прошлой ночью.

На коже железы можно было смутно различить следы прокола зубов. Закрытая железа показывала, что он был полностью помечен альфой. Наверное, альфа укусил сильно. Метка была припухшей, а следы зубов отпечатались на мягкой железе. Чем чаще он трогал это место, тем больше краснели его щёки.

В спальне Цзян Шаочжи вокруг никого не было. На балконе тоже. Тун Цинхэ немного полежал на кровати. Его тело было слабым и бессильным. Он согнулся, чтобы встать, спустился на пол и надел тапочки, собираясь выйти и посмотреть, что происходит.

Едва он надел тапочки, как Цзян Шаочжи открыл дверь. В его руках была дымящаяся миска. Аромат еды наполнил воздух, заставив живот омеги, потерявшего много сил, заурчать.

Цзян Шаочжи посадил Тун Цинхэ обратно на край кровати, положил ладонь на его мягкий живот и нежно погладил:

— Изголодался.

Тун Цинхэ едва успел сесть, как тут же накренился, прислонившись к Цзян Шаочжи.

Он поджал губы, лицо напряглось. Казалось, он испытывал боль, но терпел, а его глаза выражали невыносимую застенчивость и смущение.

Холодок пробежал по позвоночнику. Тун Цинхэ сохранял невозмутимое выражение лица и сухо сказал:

— Я в порядке.

Это выглядело как попытка что-то скрыть.

Цзян Шаочжи сначала опешил. Осознав, что произошло за эти четыре дня, он быстро поставил миску, взял подушку и подложил её Тун Цинхэ под поясницу, наклонился и коснулся его:

— Всё ещё очень больно?

Почти после каждого раза Цзян Шаочжи убирал и наносил мазь Тун Цинхэ.

Цзян Шаочжи наклонился, оперевшись руками по бокам. Его суровое, но нежное лицо почти соприкоснулось с лицом Тун Цинхэ.

— Тун-Тун.

Дыхание альфы опьяняло омегу. Цзян Шаочжи воспользовался тем, что Тун Цинхэ кружилась голова от выпущенных им феромонов. Его ладонь скользнула к месту, куда он нанёс мазь, и тщательно проверил.

Место было похоже на персик, но мягче и белее, и слегка дрожало. Дыхание Тун Цинхэ стало учащаться. Он убрал руку Цзян Шаочжи. Резинка на пижаме шлёпнула по коже. Он сжал дрожащие губы и серьёзно сказал:

— Не, не болит.

Цзян Шаочжи внимательно посмотрел на его лицо. Увидев, что лицо его маленького омеги покраснело до такой степени, что его можно было укусить и съесть, он отпустил его, позволив опереться на подушку. Он поднял ложку. Каша остыла до нужной температуры. Он ложка за ложкой кормил Тун Цинхэ.

Тун Цинхэ проглотил ложку каши и спросил:

— Дядя, ты ел?

Цзян Шаочжи:

— Да. — К уголку рта Тун Цинхэ прилипла крупинка риса. Он вытер её. Он вытер её дважды. Этот маленький жест заставил Тун Цинхэ затаить дыхание.

Дыхание альфы манило его приблизиться, легко дразня его тайные, назревшие желания.

— Я сам, — Тун Цинхэ поспешно отстранился, не желая казаться слишком жадным. Сейчас в его сердце будто жил серебряный зверь.

Цзян Шаочжи протянул ему ложку. У Тун Цинхэ хватило сил только держать ложку.

Миска питательной каши была опустошена. Тун Цинхэ наелся, напился и чувствовал себя так хорошо, что ему хотелось мурлыкать.

Цзян Шаочжи вышел из душа. Он тут же залез в объятия, которые укрывали его несколько дней. Это было почти инстинктивное движение. Когда он опомнился, ноздрей коснулся слабый сандаловый аромат, который заставил маленького омегу ещё больше прильнуть к нему.

Тун Цинхэ теперь очень лип к Цзян Шаочжи. Он делал это без размышлений: стоило ему увидеть Цзян Шаочжи, он тут же прилипал. В редкие моменты ясности он чувствовал себя немного потерянным, не понимая, что движет им: метка и феромоны или что-то ещё.

Он впервые переживал гон. Знания, полученные из различных источников, были для не пережившего это омеги только теорией. Только войдя в гон, он понял, какой невыносимой пытке подвергается, и какие психологические и физические изменения происходят в его теле.

Альфа и он будто слились воедино. Он не мог расстаться с ним, не хотел разделения. Тун Цинхэ помнил, как говорил Юй Сяокэ, что независимо от брака или метки с альфой, они останутся независимыми и свободными людьми. Сейчас он чувствовал себя потерянным. Это ли та независимость и свобода, к которой он стремился?

Раньше он определённо не делал таких вещей. Даже с самой близкой сестрой у них было своё личное пространство.

Небольшое недоумение, накопившееся в сердце, быстро растворилось под воздействием феромонов альфы. Тун Цинхэ взъерошил одеяло рядом с собой, позволяя Цзян Шаочжи целовать его губы. Взгляд его постепенно становился затуманенным. В гостевой комнате тихо раздался его голос.

Подушка постепенно промокла от слёз. Лицо Тун Цинхэ покраснело, как персик. Его пальцы, мягкие, бессильно лежали на вспотевшей щеке Цзян Шаочжи.

Цзян Шаочжи хрипло сказал:

— Сначала отдохни.

Цзян Шаочжи медленно напоил Тун Цинхэ водой. Он положил ему в рот молочный сахар для пополнения энергии, чтобы дать ему восстановить израсходованные силы.

Тун Цинхэ был как маленький зверь, который не мог насытиться. Он отдыхал меньше получаса, когда его кожа снова покрылась румянцем. Он не мог контролировать своё тело, оно тянулось к альфе. Пот, стекавший с кончиков волос, капал по контуру бровей Цзян Шаочжи.

Тун Цинхэ хрипло сказал:

— Дядя, я ещё хочу...

Альфа обладает необычайной энергией и силой. Цзян Шаочжи начал новый раунд. Лоб, который он только что вытер, снова покрылся горячим потом. Часть пота попала Тун Цинхэ в глаза. Зрение затуманилось. В поте плавали листья жасмина.

Ближе к полуночи в гостевой комнате раздалось ровное дыхание двоих. Слабый свет падал на изножье кровати. Тун Цинхэ внезапно проснулся из-за желания в туалет. Он посмотрел в сторону. Цзян Шаочжи, который спал с закрытыми глазами, открыл их в тот же момент.

Цзян Шаочжи погладил его слегка влажные виски, налил стакан воды с прикроватной тумбочки и дал Тун Цинхэ сделать два глотка. Он снова собрался положить ему в рот молочный сахар для энергии.

Тун Цинхэ отвернулся, тихо пробормотав:

— Хочу в туалет...

Сильный запах страсти, окутавший их обоих, делал его голову горячей и опухшей. Сброшенные на пол простыни и разбросанная одежда повсюду говорили ему, как они жили на протяжении почти пяти дней.

Тун Цинхэ с трудом поднял руки, готовясь сползти с кровати. Однако, его силы были исчерпаны. Ниже поясицы он был слабым и бессильным. Он чуть не упал головой на пол.

Цзян Шаочжи снова поднял его на кровать, намереваясь отнести его в туалет.

В ванной Тун Цинхэ устался на унитаза.

Он был смущён и напряжён. Он оттолкнул Цзян Шаочжи:

— Опустите меня, я постою.

Цзян Шаочжи слегка сжал его талию. Тун Цинхэ тихо застонал. Его голос был лишён всякой силы.

Цзян Шаочжи повернул его лицом к унитазу, держа в позе, как ребёнка. Две его ноги мягко свисали, не в силах держать вес.

Цзян Шаочжи отвёл взгляд. Его голос был мягким и спокойным:

— Писай.

Тун Цинхэ:

— ...

Слёзы мгновенно навернулись на глаза. В период гона Тун Цинхэ обнаружил, что он словно сделан из воды, не может контролировать слёзы. Железа на его шее была постоянно слегка влажной. Стоило её коснуться, как выделялась жидкость. Он чувствовал, что не принадлежит себе, что он ненормальный.

Он заплакал тихим голосом, его ноздри дрожали, выглядя очень уязвимо. Кончики ушей были ярко-красными:

— Нет, так нельзя.

Цзян Шаочжи наклонился и поцеловал его в ухо:

— Всё в порядке. Я не смотрю.

Когда Тун Цинхэ закончил, он почти икал от плача, задыхаясь. То злился, то поворачивался спиной, игнорируя Цзян Шаочжи.

Цзян Шаочжи крепко обнял его, поцеловал место метки на шее. Напряжённое тело Тун Цинхэ мгновенно расслабилось и обмякло. Меньше чем через несколько минут он устало закрыл глаза и уснул.

Цзян Шаочжи подождал, пока Тун Цинхэ уснёт, и встал, чтобы пойти в кабинет работать.

Едва наступило четыре утра, как за дверью кабинета послышался звук тапочек, шаркающих по полу.

Да-ла-да-ла.

Он даже не надел их правильно. Один был на полу, другой на ноге.

Цзян Шаочжи не запер дверь. Тун Цинхэ распахнул её, шатаясь, ввалился в объятия Цзян Шаочжи. Его руки и лицо были горячими, как будто он был пьян. Он беспорядочно теребил пижаму Цзян Шаочжи. Уголки его глаз покраснели:

— Я ещё хочу...

Сладкий жасминовый аромат мгновенно заполнил кабинет. Тун Цинхэ был поднят и посажен на стол, опьянённый феромонами альфы. Всё перед глазами плыло.

На рассвете Цзян Шаочжи завернул лёд в полотенце и приложил к опухшим глазам Тун Цинхэ. Тун Цинхэ раздражённо отмахнулся от его руки и отвернулся.

Он не ненавидел своего альфу, а чувствовал стыд и отвращение к своему поведению за эти дни.

Тун Цинхэ некоторое время был подавлен, а затем, отвернувшись от Цзян Шаочжи, сказал:

— Дядя, я, кажется, стал скотом, который не знает меры.

Даже его альфа смог контролировать себя во время гона, а он не смог. Он только и делал, что постоянно просил своего альфу.

Цзян Шаочжи сказал:

— Нет ничего плохого в том, что человек стремится к своим истинным желаниям. — Он повернул омегу, который отвернулся от него: — Я твой законный альфа. Тебе не нужно чувствовать вину. И...

Сделав паузу, Цзян Шаочжи прижался к уху Тун Цинхэ:

— Мне тоже было очень хорошо.

Альфа, который тридцать лет жил без личной физиологической жизни. Они по природе своей обладают избытком энергии и силы. Не имея выхода, это становилось оковами для их психики и физиологии.

Тун Цинхэ просто снял с него эти оковы.

Он только что обтёр тело Тун Цинхэ. Волосы были ещё немного влажными, и стали чуть длиннее.

Тун Цинхэ покачал головой:

— Так не может продолжаться. — Он предложил: — Я могу читать, чтобы отвлечься, или играть в игры.

Тун Цинхэ сдерживал возбуждение и желание:

— Дядя, давай играть в игры.

Тело омеги было усталым, но дух, напротив, был постоянно в состоянии возбуждения. Цзян Шаочжи не мог уговорить его спать, поэтому согласился играть вместе.

В середине игры Тун Цинхэ отбросил карты и быстро забрался в объятия Цзян Шаочжи.

Он полностью отбросил себя: какая там независимость, какая свобода? Сейчас он хотел только одного... только...

Следуя самым глубоким желаниям своего сердца, он подумал, что, возможно, он действительно был диким зверем.

Цзян Шаочжи услышал, как его маленький омега почти плачущим голосом прошептал:

— Я ещё хочу...

<http://bllate.org/book/4/85>